

М. В. Михайлова, А. С. Сотникова
**БУДНИ ОДНОЙ РАЙОННОЙ ГАЗЕТЫ В 1956 г.
(ПОВЕСТЬ В. В. ПЕРУАНСКОЙ «ЧЕТЫРЕ ПОЛОСЫ»)**

doi: 10.30759/1728-9718-2025-1(86)-38-44

УДК 82(47) ББК 83.3(2)

В статье в контексте оттепельной литературы анализируется повесть «Четыре полосы» «незамеченного» автора Валерии Перуанской (1920–2011). Произведение посвящено изображению будней редакции областной газеты на фоне глобальных политических и общественных изменений, связанных с выступлением Н. С. Хрущева. На основе материалов архива писательницы рассматривается история публикации текста, подвергнутого основательной цензурной правке, и проводится сопоставление авторской и журнальной версий произведения. В статье приводятся наиболее показательные примеры, подтверждающие связь основных цензурных изъятов с упоминанием XX съезда партии, а также критическим отношением автора к сложившейся в реальной жизни политической и общественной ситуации. Показательным является и сопоставление внутренних и журнальных рецензий, демонстрирующее общую тенденцию оценки острых текстов в период поздней оттепели. Поскольку Перуанская работала над произведением в течение почти десяти лет, текст стал не только свидетельством эпохи, но и попыткой осмысления и проживания коллективных травм целого поколения.

Ключевые слова: *Валерия Перуанская, оттепель, XX съезд, цензура, редакторская правка*

Валерия Перуанская (1920–2011) принадлежит к числу «незамеченных» писателей, ее имя сегодня не на слуху, несмотря на то что при жизни некоторые ее произведения выходили отдельными сборниками, привлекали внимание, а по повести «Кикимора» в середине 1980-х гг. был снят известный фильм Ярополка Лапшина «Продлись, продлись, очарованье...» К этой писательнице не были прикованы взгляды критиков, хотя ее произведения представляют большую ценность: Перуанская почти всегда нащупывает болевые точки, по которым можно проследить историю страны, ее обретений и поражений. Внимательное чтение ее текстов позволяет сделать интересные наблюдения и относительно эволюции ее творчества, и по поводу особенностей литературы советского и перестроечного периодов. Становление Перуанской как литератора, художника слова, во многом зависело от общественной атмосферы, от политической ситуации сначала в СССР, а потом и в Российской Федерации, что было характерно для советского писателя

в целом, но у нее приобрело характер закономерности. Большая часть ее текстов прямо или косвенно отражает роль социальных и политических явлений в жизни обычных людей, даже, можно сказать, обывателей. Выросшая в семье отчима, работавшего в «органах», и принадлежавшая, таким образом, к советской элите, до которой события большой истории доходили в очень опосредованном виде, она долгое время пребывала в иллюзиях относительно советской реальности. Ее взгляды, идеологические установки, важнейшими из которых были вера в коммунизм и восхищение мудрым кормчим, товарищем Сталиным, формировались в совершенно особых условиях. Прозрение пришло довольно поздно и оказалось очень болезненным.

В ее произведениях именно 1990–2000-х гг. проблемы «человек и общество», «человек и идеология», «человек и власть» становятся центральными. На первый взгляд, Перуанскую занимают частные конфликты, но, своеобразно группируя их, завязывая в узлы, писательница, опираясь на личный опыт и переживания, создает характерный портрет эпохи. Для нее весьма значим оказывается городской текст, московский или ленинградский, так как оба эти города стали для нее родными. И «путешествие» из Москвы в Ленинград, к истокам юности, нередко приобретает у нее характер «инициации», когда пелена буквально спадает с ее глаз. Так происходит, например, в повести «Прохладное небо осени» (1976).

Михайлова Мария Викторовна — д.филол.н., заслуженный профессор, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (г. Москва)
E-mail: mary1701@mail.ru

Сотникова Арина Сергеевна — студент второго курса магистратуры филологического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (г. Москва)
E-mail: arina.sotnikova.2002@mail.ru

Начинала же она в духе молодежной прозы середины 1950-х гг. В центр повествования ставилась молодой героиней, ищущий себя и в итоге выбирающий свой жизненный путь. При этом в похожие ситуации она помещала молодых особ и женского («Локоть друга»), и мужского («Мы — земляне») пола, что придает особую специфику ее видению и показывает, что гендерный ракурс для нее не имеет значения. Однако и в том и в другом случае оптимистический финал призван показать, что в советском государстве никто не остается без поддержки, а ушибы и шишки (в прямом и переносном смысле слова) только закаляют молодой организм. Окружение главных молодых героев в названных повестях подчас слишком очевидно делится на положительных и отрицательных персонажей, но это можно в определенной степени объяснить юношеской категоричностью, привычкой делить мир на черное и белое (автор и повествователь в ранних текстах Перуанской предельно сближены).

В названных выше повестях очевидно влияние соцреалистического канона. Однако несмотря на использование идеологического шаблона, уже здесь наметилась особенность авторского видения, которая отличала Перуанскую от других прозаиков, специализирующихся на молодежной проблематике, а именно неожиданная материализация ситуации психологической травмы. Герои ее произведений оказываются постоянно травмированы физически: они то ломают ноги, то ударяются головами, получая сотрясение мозга. И это заставляет их остановиться в неудержимом победоносном беге и задуматься над происходящим. Так проникла в ее тексты основательная рефлексия, и все большую значимость приобретало не описание поступков, а психологический их анализ. На этом основании можно даже сделать вывод, что нацеленность на обсуждение травмы и травматической ситуации в современном литературоведении получает дополнительное обоснование в виде интуитивного женского предчувствия, пробившегося наружу более полвека назад.

На первом плане у Перуанской привычный, детально прорисованный быт, будничная жизнь простых людей. Но повседневные перипетии в ее произведениях становятся неким зеркалом, отражающим изменения общественной атмосферы, что придает работам автора определенную масштабность. Ее героини действительно «винтики», но винтики, благодаря которым колесо истории движется, хотя

порой и невыносимо скрипит. Можно сказать, что ее проза исторична с самых первых шагов писательницы, но признаемся, в ранних произведениях история функционирует по отработанному советскому сценарию, поскольку здесь Перуанская еще не вступила в полосу «прозрений».

Думается, что эта полоса началась с повести «Четыре полосы» (позволим себе так обыграть название произведения). В ней писательница изобразила жизнь редакции районной газеты, которая начинает бурлить в связи с изменением политического климата в стране в середине XX века. Перуанская обращается к хорошо знакомому ей материалу (она трудилась на журналистском поприще на протяжении почти 20 лет в газете «Красный флот» и литературно-художественном журнале «Вымпел»; на должности редактора отделов прозы в журналах «Москва» и «Дружба народов»). И новые обстоятельства приводят к масштабированию категории травмы в ее творчестве. Теперь это уже травмирующие социальные сдвиги. Впоследствии травма выступит аналогом вины старшего поколения, не желавшего замечать трагедий, которые во многом определили судьбы сверстников писательницы на десятилетия. И мотив прозрения свяжет ее повесть «Прохладное небо осени», в которой встреча с друзьями юности в Ленинграде обернется для героини судом над собой, не придавшей значения в 1930-е гг. исчезновению родителей подруг, не понявшей одиночества и боли осиротевших детей, с повестью «Грехи наши: записки бывшего мальчика» (2004), где герой вынесет суровый приговор уже всем так или иначе сопричастным происшедшему.

Но начало этих изменений в творчестве — повесть «Четыре полосы», где показано воздействие тех слов, что были произнесены Н. С. Хрущевым с трибуны XX съезда, а чуть позже распространились в виде чтения письма для партийных коллективов. XX съезд стал рубежом, с которого началось осознание самой писательницей подлинной истории своей страны. Посвящена повесть делам и дням работников идеологического фронта — газетчиков. Важно, что местом действия избран провинциальный городок, где идеологическая система работала особенно безотказно, где линия партии проводилась неукоснительно. Поначалу кажется, что перед нами обычная производственная проза, в которой воспроизведен традиционный конфликт борьбы добра со злом, причем зло, как и полагалось в те годы, показано мелочным,

пошлым, легко устранимым. В нашем случае это подхалим Гнездилов, который назначен на пост главного редактора газеты «Трудовое знамя» вместо Панина, в меру сил и возможностей все же стремившегося честно отражать наболевшее. Гнездилов, имея покровителей во всех районных инстанциях, заставляет сотрудников приукрашивать действительность, затушевывать проблемы. Он чувствует себя полновластным хозяином газеты, ибо послушен вышестоящему начальству и всегда знает, куда ветер дует. Сотрудники редакции оказываются перед выбором: либо продолжить линию прежнего главреда, либо смириться с порядками, насаждаемыми новым начальником. Но пока это буря в стакане воды, ибо такие ситуации явно встречались и ранее.

Когда же появилась информация о XX съезде, о происходящих разоблачениях, казалось бы, прозвучало слово правды. Это заставляет кого-то действовать смелее, кого-то затаиться... Люди понимают, что грядут большие изменения, будет происходить перестройка всего государственного механизма. Именно на осмыслении драматического противостояния прошлого и будущего сосредотачивается Перуанская, размышляющая не только о судьбе своих героев (а вместе с ними и множества таких же маленьких людей всей страны), но и о собственной жизни и взглядах.

В повести заметны отголоски опробованных ранее приемов: порой излишне прямолинейно прописаны столкновения хороших честных людей с чинушами и подхалимами, несколько механистично чередование производственных и частных эпизодов. Но все же следует отметить, что в данном случае Перуанская удачно сопрягла «производственные конфликты» с обстоятельствами личной жизни героев. А это позволило распахнуть стены редакции, расширить пространство повествования, включив в него улицы провинциального городка и квартиры, где герои ощущают себя людьми с обычными переживаниями и заботами, а не только работниками одной из типичных советских институций. Но центром повести, куда сходятся все сюжетные линии, остаются все же несколько редакционных комнат. Там на маленьком плацдарме разыгрываются баталии, которые проходили по всей стране, а жизнь редакции демонстрирует трудности преодоления прошлого.

Видимо, повесть была начата едва ли не сразу после переломных событий 1956 г. и писалась приблизительно до начала 1960-х гг., ког-

да автор стала предлагать свое произведение различным периодическим изданиям. Однако рукопись нигде не принимали. Негативные отзывы следовали один за другим. По ним можно судить, что указание на художественные просчеты становилось, по сути, прикрытием неприятия тех идеологических акцентов, которые прочитывались в тексте. В личном архиве семьи сохранились внутренние рецензии на повесть за подписями В. Куклева¹ и С. Кары.² Рецензенты в качестве едва ли не основного недостатка указывали сконцентрированность действия на малом пространстве помещения редакции, сосредоточенность исключительно на столкновениях и конфликтах внутри коллектива, считая, что перед читателем возникает малоинтересное для широкой общественности закрытое сообщество людей, погруженных исключительно в свои профессиональные заботы. Так, С. Кара писал: «Нас не удовлетворил замысел вашей повести... редакцию советской газеты нельзя показывать как “коллектив интеллигенции”, который живет самодовлеющей жизнью», — в то время как советские журналисты — люди смелые и решительные, не склонные «помалкивать в тряпочку, терпеть и ждать».³ Это, по сути, означало, что изображение растерянности людей, услышавших о злодеяниях сталинизма, — неудачный авторский ход. Второй рецензент оказался более мягок, согласившись, что «патриархальность редакционного общества» имеет место. Но и ему показалось, что погружение читателя в редакционные будни лишает повествование масштаба. И в его замечании сквозило неприятие авторского замысла. Ведь Перуанская хотела показать те процессы и механизмы, которые управляли жизнью страны до XX съезда, но не исчезли по мановению волшебной палочки. В итоге В. Куклев советовал показать и «ту жизнь, что идет за стенами редакции, в цехах, на фермах, в квартирах, ту жизнь, ради которой и существует сама газета» (возможно, что дополнения, о которых было сказано выше, например, подключение «любовных линий», произошли после этого указания на отсутствие событий, происходящих вовне).

Но больше всего обоих рецензентов не устроила многократная апелляция к XX съезду, обозначение четкой границы, разделившей

¹ Лицо не установлено.

² По всей видимости, это Сократ Сетович Кара (1911–1977), журналист, прозаик, драматург, с 1955 г. член редколлегии журнала «Нева», куда Перуанская отсылала машинопись.

³ Цитаты из отзывов приводятся по письмам, хранящимся в семейном архиве.

жизнь на «до» и «после». Порочное в героях они объяснили их личными качествами (среди журналистов ведь встречаются просто «бездари») и отказались видеть в них «выразителей определенного социального явления», что как раз следовало из текста произведения. Последнее было названо критиками ложным обобщением. И, надо сказать, профессиональное чутье их не обмануло: именно эти места подвергнутся изъятию при публикации повести.

Мысль писательницы, таким образом, была верна: родовые пятна идеологического подхода оказались несмыслимы. Проведя параллели между внутренним устройством редакции газеты с вполне типичным для советского времени названием «Трудовое знамя» и системой функционирования управления культурой в целом, автор пришла к неутешительным выводам. Обрисовав модель взаимоотношений человека и власти, человека и официальной структуры в обычном областном городе, она, по сути, затронула проблему несовершенства государственного управления в стране. Частные проблемы редакционного коллектива и советского общества она представила не только как неизжитое наследие сталинских времен, но и как следствие неспособности и нежелания закостенелой системы перестраиваться. Казалось бы, после XX съезда повеяло свободой, но, как следует из событий, описанных в повести, и новое начальство быстро и успешно начало закручивать гайки.

Напомним: прежний главный редактор даже в самые сложные годы сохранял порядочность и в сложнейших условиях пытался оставаться человеком, однако даже в период изменения температуры в обществе, в эпоху потепления он оказался неудобен новой власти, не слишком заинтересованной в соответствии декларируемого с трибун реальному положению вещей. И вот уже один из приличнейших людей газеты, человек, славившийся твердыми убеждениями, начинает лстыть и заискивать перед новым назначенцем, готов отказаться от своих принципов ради сохранения должности и немногочисленных привилегий. Подобная стремительная метаморфоза становится результатом воздействия на людей тоталитарной машины, научившей их в целях выживания приспосабливаться к быстро меняющимся настроениям властных структур. Перуанская отмечает, что новый режим часто использовал старые инструменты для удержания и укрепления власти. Даже сама замена прежнего редактора газеты, одобрявшего излишне острую статью, на

верткого и хитрого манипулятора, сохраняющего свое кресло даже в эпоху перемен, является очевидным примером влияния старой идеологической системы, заложницей которой была печать. Оттепельные времена почти не изменили существовавшие ранее механизмы воздействия государства на своих подчиненных. Приспособленцы продолжали существовать, а несогласные, хотя напрямую и не преследовались, вполне могли оказаться за бортом.

Причину этого писательница видит в страхе, разьевшем душу людей в предыдущие годы. В машинописном варианте повести, так и не вышедшем в печать, есть очень выразительный эпизод, где, прибегая к внутреннему монологу героя, Перуанская показывает проникший в людей ужас. «Нет больше богов — были!» — убежденно произносит один из героев, а другой «неволью в этот миг взглянул на висящий в простенке портрет Сталина — и испытал привычное чувство страха, которое, сколько он себя помнил, возникало даже при простом упоминании в будничном разговоре этого имени: как бы не прозвучало неуважительно. Кажется, этот страх в кровь вошел, никак его не вытравить из себя. И подумав, что Панин тоже от того кричит и кипит, что сам себя перебарывает, напоминает себе и другим: есть Сталин, бывший первый секретарь и глава правительства, но нет уже Вождя и Учителя, единственного и непогрешимого, об этом ясно сказано, и мы газетчики в первую очередь должны сделать для себя выводы. И хотя Иван Иванович знал, что бояться нечего, а все равно было страшновато все это слушать, когда Сталин висел в простенке и смотрел».⁴

Повторим: именно этот и подобные эпизоды обусловили невозможность публикации повести в первоначальном виде. Трудно установить, как долго она переписывалась по указанию рецензентов, как часто Перуанская возвращалась к тексту. В машинописи указаны следующие временные промежутки — 1959–1965, 1968 гг., что заставляет думать о продолжении работы над текстом и после его публикации в журнале. Повесть смогла появиться только на излете оттепели, в 1966 г. в далеком от центра белорусском литературно-художественном журнале «Неман»,⁵ когда уже возникли первые признаки «заморожков». Подобный выбор

⁴ Эта и следующие цитаты приводятся по машинописи повести «Четыре полосы», хранящейся в семейном архиве В. В. Перуанской (наследница — внучка Мария).

⁵ Неман. 1966. № 5, 6, 7.

был обусловлен не столько художественными особенностями, сколько фактором социальной значимости: не центральный орган печати, не очень популярный журнал. История публикации текста, таким образом, стала характерным свидетельством конца «прекрасной эпохи». Надежда на демократизацию системы, возникшая после XX съезда, стала меркнуть.

На уже упоминавшихся цензурных изъятиях стоит остановиться подробнее, так как сохраненный в семейном архиве полный вариант произведения дал возможность провести сравнение текстов, что наглядно продемонстрировало, сколь непродолжительным был период оттепели. Многочисленные правки и заметное сокращение объема повести продиктованы не столько желанием улучшить ее стиль, что совершенно естественно при работе над рукописью, сколько идеологическими и конъюнктурными причинами. В данном случае стоит говорить об инструментах цензуры, которая исключила из текста прямые упоминания XX съезда и прозвучавшую с его трибуны критику линии партии. Главлит, главный руководящий цензурный орган, был упразднен только 25 октября 1991 г., когда вышел «Закон о печати и других средствах информации». А до этого почти все тексты проходили соответствующую проверку. И хотя после смерти Сталина появилась надежда на демократизацию во всех сферах, жесткий контроль над тиражируемыми изданиями не исчез. Потому многие редакторы нередко перестраховывались, убирая из текстов все, что могло быть истолковано недолжным образом.

Как уже было сказано, упоминания о XX съезде возникают на страницах рукописи неоднократно, а в журнальном варианте остаются только единичные. Становится ясно, что журнал «Неман» обезопасил себя следующим образом: была устранена связь между XX съездом и социальными изменениями, наступившими вслед за разоблачением культа личности Сталина. Произошедшая трансформация политического и общественного устройства теперь представала как закономерный результат исторического развития, не обусловленного данным фактом. Примером может послужить фраза: «Сейчас не пятьдесят третий год, многое изменилось...», — из которой вычеркнуты были слова «после двадцатого съезда». В других местах исчезли предложения, намекающие на отсутствие реальных положительных изменений в общественном устройстве. Если в рукописи единичный судебный прецедент появляется

у автора в качестве примера систематического злоупотребления властью, то в журнале это представлено как исключение из правил, лишь подкрепляющее уверенность в справедливом функционировании законодательной системы. Из диалога героев исчезает фраза «словно не было двадцатого съезда», намекающая на постоянство существующего положения вещей. Нет и сетования: «Пишем-то мы пишем, а прок от этого какой? Если иметь в виду крупные проблемы..., а не разоблачение какого-нибудь отдельного хапуги или тунеядца». Убраны даже мелкие критические замечания о качестве дорог, несправедливом распределении профсоюзом путевок, неэффективности газетных выступлений. Итак, как видим, повесть подверглась значительной правке, во многом нарушившей замысел автора. Перуанская хотела указать на системные отклонения в государственном механизме, а получилось, что закономерности превратились в девиации, в пороки отдельных личностей.

Журнальная версия получилась во многом приглаженной, потерявшей остроту, иногда почти панегирической по отношению к описываемому времени, а потому удостоилась нескольких столь же трафаретных и бравурных откликов. Особенно примечателен набором традиционных оборотов опубликованный в «Дружбе народов» отзыв В. Оскоцкого,⁶ который отметил «благородную решимость» автора, сумевшего «высказать все до конца». И хотя критик упоминает «о чистоте идей XX съезда, о борьбе с субъективистскими, волюнтаристскими методами руководства, ныне отвергнутыми и осужденными партией» (перечисляются проблемы, которые затронула Перуанская в повести), чувствуется, что это скорее общие слова, которыми можно охарактеризовать почти любое произведение оттепельной поры. Повесть «привлекает внимание своей воинствующей неприимиримостью к демагогии, ханжеству, фальши, пафосом гражданской активности человека», к проявившимся «в этой борьбе мужеству и трусости, честности и беспринципности», — добавляет В. Оскоцкий, но внимательный читатель в этих фразах скорее различит те же штампы, которые встречаются в отчетах наверх нового редактора «Трудового знамени»!

Наиболее значительной правке подвергся финал произведения. Особенностью авторского

⁶ Оскоцкий В. Трудно ли быть человеком!.. // Дружба народов. 1967. № 3. С. 272, 273.

стиля Перуанской, уже в какой-то мере определившегося к моменту написания повести, являются открытые концовки, которые зачастую обнажают ситуации критического слома в сознании героев и предоставляют свободу интерпретации. Именно в финале расставляются многие смысловые акценты. По крайней мере, для автора это всегда метафора открытой двери в будущее, которое сулит и возможности, и опасности. Здесь было так же: положительные герои не смирялись, не принимали негативные порядки в редакции, ждали перемен. Ощущался даже некий намек автора на возможность изменения расстановки сил в государственном масштабе. Происходила встреча героев, преимущественно существовавших в тесном здании редакции, с рекой, водным простором. Потом они оказывались в саду под яблоней. И это переключение на, казалось бы, сугубо бытовой план частной жизни становилось по-своему символичным, поскольку с водой связано очищение от скверны, а за столом в саду собрались близкие люди.

В журнальной же версии вернувшаяся из отпуска сотрудница редакции Светлана обнаруживает, что ее отстраняют от работы из-за того что в свое время она в штатном расписании проходила «по какой-то другой должности»,⁷ с чем была согласна, то есть в какой-то степени сфальсифицировала документы. Отсюда следует незамысловатый вывод о том, что нет людей кристально честных, незапятнанных, все совершают ошибки и ради выгоды иногда могут пойти на сделку с совестью. И списывать это на воздействие общественного порядка ошибочно. Неслучайно внимание акцентируется на Светлане: на протяжении повести именно эта героиня изображена как самый честный и последовательный борец с фальшью, приписками, наведением глянца. В журнальной же версии она совершает поступок, объединяющий ее с теми, кого она публично осуждала. Да, Светлана показана Перуанской далеко не идеальной: у нее есть семья, но она влюблена в коллегу и готова отдаться порыву чувств. И этот конфликт остается неразрешенным. В напечатанном же виде итогом становится фраза «человек должен всегда оставаться человеком»,⁸ звучащая довольно-таки дидактически. Завершает повест-

ование веселый вскрик-напутствие Светланы: «Еще все впереди, Илья!»⁹ Так редакторская правка внесла в повествование Перуанской ту оптимистическую ноту, которой произведению не хватало, ибо взгляд писательницы явно более пессимистичен. И хотя в первоначальном тексте и была фраза: «...на старом авторитете и былых заслугах теперь капитала не наживешь, можно оттянуть развязку, но избежать ее, наверно, мало кому удастся», — но даже она оказалась недостаточно бодрой (не вошла в печатный вариант).

В период написания повести окружающая обстановка продемонстрировала, что, несмотря на забрезжившую надежду, от личных качеств человека при столкновении с государственной машиной, контролирующей практически все стороны жизни, мало что зависит. И это-то и было показано в «Четырех полосах». Эта повесть открыла новую страницу в творческом развитии Перуанской, чья последующая проза стала отличаться проработанностью характеров и мотивировок, многомерным исследованием жизни. Исследователь литературы оттепели С. И. Чупринин отмечает, что после конца 1950-х — начала 1960-х гг. «стало невозможным для уважающего себя писателя» «сконструировать “идеального” героя» или «художественно» проиллюстрировать тезис о том, что жизнь советского общества знает конфликт только между хорошим и отличным». ¹⁰ Это замечание точно характеризует то, что произошло с Перуанской. Кроме того, «Четыре полосы» стали почти документальным свидетельством реакции общества на разоблачения преступлений сталинского режима. Повесть в лучших своих эпизодах оказалась повествованием о страхе, пронизывавшем все советское общество, о проживании коллективной травмы поколения. Писательница также засвидетельствовала сложность изживания этой травмы, обусловившую приостановку начавшихся демократических процессов. И в этом заключается значимость этого произведения, искупающая некоторые художественные недочеты.

Повесть, повторим, в первоначальном варианте осталась неизданной. Она хранится в семье писательницы в виде машинописи и, надеемся, дождет своего появления в печати.

⁷ Перуанская В. Четыре полосы // Неман. 1966. № 7. С. 69.

⁸ Там же. С. 72.

⁹ Там же.

¹⁰ Оттепель. 1953–1956: страницы русской советской литературы. М., 1989. С. 9.

Maria V. Mikhailova

Doctor of Philological Science, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow)

E-mail: mary1701@mail.ru

Arina S. Sotnikova

Student, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow)

E-mail: arina.sotnikova.2002@mail.ru

EVERYDAY LIFE OF A REGIONAL NEWSPAPER IN 1956
(V. V. PERUANSKAYA'S STORY "FOUR PAGES")

The article analyses the story "Four Pages" ("Chetyre polosy") by the "unappreciated" author Valeria Peruanskaya (1920–2011) in the context of the Thaw period literature. The literary work is devoted to depicting the everyday life of the editorial staff of a regional newspaper against the background of global political and social changes in relation to the speech of N. S. Khrushchev. Based on materials from the writer's archive, the article considers the history of the publication of a text that was subjected to strong censorship edits, and makes a comparison between the author's and magazine versions of the story. It also adduces the most illustrative examples proving the interrelation of most of the censorship removals with the reference to the 20th Congress of the Communist Party and the author's critical attitude to the relevant political and social situation. The article cites both private and journalistic critical reviews, reflecting the general trend of editors' work with text during the late Thaw period. As V. Peruanskaya worked on the text for almost ten years, the text becomes not only a testimony of the era, but also an attempt to comprehend and overcome the collective traumas of an entire generation.

Keywords: *Valeria Peruanskaya, Thaw, 20th Congress, censorship, editorial edits*

REFERENCES

Oskotsky V. [Is it Hard to be a Human!]. *Druzhiba narodov* [Friendship of Nations], 1967, no. 3, pp. 272–273. (in Russ.).

Ottepel'. 1953–1956: Stranitsy russkoy sovetskoy literatury. [The Thaw. 1953–1956: Pages of the Russian Soviet Literature]. Moscow: Moskskiy rabochiy Publ., 1989. (in Russ.).

Для цитирования: Михайлова М. В., Сотникова А. С. Будни одной районной газеты в 1956 г. (повесть В. В. Перуанской «Четыре полосы») // Уральский исторический вестник. 2025. № 1(86). С. 38–44. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-1(86)-38-44.

For citation: Mikhailova M. V., Sotnikova A. S. Everyday Life of a Regional Newspaper in 1956 (V. V. Peruanskaya's Story "Four Pages") // Ural Historical Journal, 2025, no.1(86), pp. 38–44. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-1(86)-38-44.